

Б. Н. МИРОНОВ

**СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ВЗГЛЯД
ИСТОРИКА**

---

*МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета, научный
сотрудник СП б Института истории РАН*

Основатели социологии О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер занимались историей серьезно, М. Вебер – профессионально. Дюркгейм считал, что история и социология обречены стать единой наукой: «Мы (социологи – Б.М.) помогаем выявлению самой причинности в истории, когда убеждаем историка выйти за пределы его обычной перспективы, заглянуть за рамки выбранной для исследования специфической страны или периода и заняться общими вопросами, поставленными теми специфическими фактами, которые он наблюдает. Но, как только история начинает сравнивать, она становится неотличимой от социологии. И наоборот, социология не только не может обойтись без истории, но на самом деле нуждается в историках, которые могут быть социологами. Пока социолог будет чужаком, вторгающимся в область историка, чтобы получить интересующие его данные, он будет лишь скользить по поверхности. Только историк знает историю настолько, чтобы

быть способным использовать исторические данные. Следовательно, не будучи непримиримыми, эти две дисциплины имеют естественную тенденцию к сближению, и все указывает на то, что они предназначены соединиться в общую дисциплину, в которой элементы истории и социологии будут совмещены и объединены. Это кажется ненормальным, что тот, кто должен выявлять данные, не владеет методами сравнения, для которых именно эти данные подходят; а тот, кто сравнивает данные, не имеет понятия, как они были получены. Воспитание историков, которые знают, как смотреть на исторические данные социологически, равно как развитие социологов, владеющих всеми методами историков, — вот цель, которую мы должны преследовать» [1].

Однако мало кто разделяет убеждение Дюркгейма, что две дисциплины действительно нуждаются друг в друге. Отношения между социологией и историей чаще характеризуются либо равнодушием, либо нарочитой отчужденностью. Многие историки не верят в объяснительную силу социологических теорий и осуждают социологов за поверхностное отношение к историческим фактам. Социологи иронизируют над историками по поводу антикварного интереса к историческим деталям, эмпиризма и поверхностного анализа. В период между двумя мировыми войнами социологи отвернулись от постановки исторических и философских проблем, полагая, что историзм и метафизические спекуляции только мешают социологии развиваться в полезную науку. Однако мировой кризис 1930-х гг. и вторая мировая война показали, что рассмотрение социальных проблем в

исторической перспективе может быть продуктивным. Обращению к истории способствовало и то, что некоторые социологи не принимали функционализм, ставшего доминирующей теорией в 1950-х гг., за невнимание к социальной динамике и конфликтам [2]. Благодаря этому с конца 1950-х гг. между историей и социологией стали развиваться продуктивные контакты.

Некоторые ученые, как 100 лет назад Дюркгейм, стали мечтать о слиянии истории и социологии в единую науку. «Я лично согласен с Дюркгеймом, - говорил И. Валлерстайн. - Просто я не могу себе представить, что какой-либо социологический анализ может иметь силу без помещения данных полностью в рамки их исторического контекста, также я не могу себе представить, что можно проводить исторический анализ без использования концептуального аппарата, который мы называли социологией. Но если это так, есть ли вообще место для двух отдельных дисциплин? Это кажется мне одним из основных стоящих перед нами вопросов, поскольку мы обсуждаем будущее социологии и социальных наук в целом в двадцать первом столетии» [3, см. также 4, 5].

1960-1980-е гг. отмечены также появлением интереса историков к социальным наукам, прежде всего к социологии. Взаимное увлечение вызвало широкую международную дискуссию об отношении между историей и социологией, в которых приняли участие представители обеих дисциплин, и породило настоящий журнальный бум. В 1958 г. был основан журнал "Сравнительные исследования общества и истории" ("Comparative

Studies in Society and History"), в 1963 г. - "История труда" ("Labor History"), в 1967 г. - "Журнал социальной истории" ("Journal of Social History", в 1970 г. - "Журнал междисциплинарной истории" ("Journal of Interdisciplinary History"), в 1975 г. - "Журнал истории семьи" (Journal of Family History), "Социальная история" ("Social History"), "История и общество" ("Geschichte und Gesellschaft), в 1976 г. - "История социальной науки" ("Social Science History"), в 1988 г. - "Журнал исторической социологии" ("Journal of Historical Sociology" и другие. В 1960-1980-е гг. наблюдался расцвет социально-исторических исследований; эти годы по праву можно назвать «золотым веком социальной истории». Таким образом, из союза социологии и истории родились социальная история и историческая социология [6]. В чем специфика каждой из дисциплин?

В фокусе социальной истории в 1960-1980-е гг., в отличие от традиционного интереса истории преимущественно к политическим событиям, действиям великих личностей, находятся структуры, процессы и общество. Например, традиционно историк, изучая бюрократию, акцентирует внимание на чинах и званиях, формах одежды и распорядке службы, жалованье и пенсиях, служебных злоупотреблениях чиновников и на других важных, но событийных вопросах. Социальный историк интересуется тем, как эволюционировала бюрократия как социальная и властная структура, как она взаимодействовала с обществом, верховной властью, как она управляла – взирая или не взирая на лица, следуя закону или указаниям начальников и т.п. Традиционный историк-урбанист изучает

историю отдельных городов (Петербурга, Москвы, Ставрополя): как они возникали и развивались, кто и почему их основывал, кто ими управлял, благоустраивал и т.д. Социальный историк исследует процесс урбанизации – динамику числа городов и горожан, изменение функций городов, схем застройки, архитектурных стилей, профиль социальной и профессиональной структуры городского населения, миграции, взаимодействие города и деревни и т.д. Традиционные историки изучают историю государства и политики через деятельность отдельных лиц, которые стояли у власти и принимали решения. Внимание социального историка привлекают взаимодействие государства с обществом, влияние общественности на политику, участие в политическом процессе различных социальных групп и т.п. В социальной истории чрезвычайно велик интерес к обществу, к его структурам – сословиям, классам, социальным слоям, к протекающим в нем процессам, социальным и политическим движениям – рабочему, женскому, демократическому. Социальный историк изучает историю, отталкиваясь не от государства и великих людей, а от общества. «В центре внимания социальной истории, - говорится в американском словаре исторических понятий, - находятся социальные группы, их взаимоотношения, их роли в экономических и культурных структурах и процессах; она часто характеризуется использованием теорий общественных наук и количественных методов» [7]. Апофеозом развития социальной истории явилось издание шеститомной «Энциклопедии социальной истории Европы: 1350-2000 гг.» в 2000 г. в США, подготовленной ведущими зарубежными

социальными историками [8]. В 1990-е гг. социальные историки под влиянием культурной истории с ее пристальным вниманием к истории восприятия и опыта, к формам осмысления действительности, к истории языка и менталитета, расширили и включили в свой предмет, кроме структур, процессов и общества, также и человека - изменение в системе ценностей, жизненных представлений, норм и образцов поведения. Включив в историческую социальность культурный аспект, новейшая социальная история превратилась в социокультурную историю.

Изменение предмета изучения повлекло за собой изменение методологии и языка. Социальные историки в своей методологии совершили аналитический поворот в двух отношениях. Во-первых, они обратились к понятиям социальных наук («сословия» или «класс»), моделям («традиционное или индустриальное общество», «феодализм» и «капитализм»), идеальным типам («протестантская этика», «бюрократия») и теориям (например, теория модернизации). Благодаря этому получил распространение междисциплинарный подход. Границы между науками стали прозрачными. Во-вторых, большие базы данных позволяют использовать статистику, количественные методы и компьютеры для обработки данных. В результате существенно возрос информационный потенциал исторической науки и достоверность полученных выводов. В-третьих, под влиянием культурной истории социальные историки в 1990-е гг. стали в большей мере учитывать роль дискурсивных (речевых) практик в формировании исторических источников, которые они используют для

реконструкции исторической действительности, и роль собственных методик, представлений и понятий, которые также влияют на полученных результаты.

Исторические социологи, как свидетельствуют исследовательская практика и социологические словари, ставят либо теоретические задачи - изучение социальных изменений и тенденций в развитии общества, выявление общих вневременных закономерностей, развитие новой теории, способной обеспечить более убедительные и исчерпывающие объяснения исторических явлений и структур, либо верификационные задачи - проверка какой-либо социологической теории или некоторых частных гипотез на исторических данных, либо прикладные задачи - использование существующих концепций и объяснений для анализа исторических данных. При этом предметом анализа может служить одно, несколько обществ или отдельная сфера общественной жизни [9].

В силу специфических задач историческая социология отличается от социальной истории более интенсивным и всесторонним использованием социологического инструментария, осуществляя это двумя путями: (1) переосмыслением исторического материала, собранного и описанного на языке исторической науки, в социологических понятиях и концепциях; (2) познанием исторических явлений, начиная с постановки проблемы и сбора данных, с помощью социологического инструментария. В первом случае социологические понятия как бы перекраивают, преобразовывают, переобозначают исторический материал, подобно тому, как перекраивается и

перешивается костюм по новой модели. Однако, используя готовую схему для упорядочения уже известных в истории фактов и зависимостей, исследователи в той или иной мере остаются «рабами» этих фактов и зависимостей и не могут получить принципиально новое знание (как из старого костюма портной не может сшить то, что хочется клиенту: старый фасон в значительной мере диктует варианты переделки). В этом случае социология не в состоянии проявить все свои возможности для получения нового исторического знания. Кроме того, на пути переосмысления готового исторического материала в социологических понятиях стоит существенная преграда: большая предварительная работа по соотнесению двух систем понятий - исторических и социологических.

Во втором случае историческая действительность изначально «наблюдается» и анализируется под углом зрения социологических понятий, в соответствии с которыми проходят и сбор эмпирического материала, его обработка и интерпретация. Другими словами, историческое исследование проходит как социологическое и отличается от последнего только историческим объектом изучения. Такой подход открывает большие возможности для эффективного использования социологических понятий, концепций, теорий. Однако результаты таких исследований слабо соотносятся с традиционными историческими трудами. Такие исследования имеют большее значение для социологов, обогащая социологические понятия конкретным историческим содержанием и создавая возможность проверить свои концепции на историческом материале. Кроме того,

изначальное «кодирование» исторических данных в социологических понятиях включает в себе опасность презентизма, поскольку социологический инструментарий предназначен для анализа современных, а не исторических проблем. Поэтому и в том случае, когда социология имеет фундаментальное значение для исторического исследования, все равно требуется установление связи между терминами исторических источников и социологическими понятиями.

Библиография трудов по исторической социологии насчитывает сотни наименований. Имеются историографические и аналитические обзоры, в том числе на русском языке [10]. И я в эмпирической части своей статьи остановлюсь на некоторых наиболее известных (и, может быть, малоизвестных в нашей стране) трудах этого жанра, фокусируя внимание читателей на а) отличиях трудов по исторической социологии от исторических и б) специфике исторической социологии.

Предметом гордости исторических социологов является выполненный Р. Коллинзом прогноз распада СССР на основе геополитической теории, построенной в результате социологического обобщения исторических фактов [11]. Суть ее в следующем. Сила и устойчивость государства зависит от трех факторов – ресурсов (чем больше, тем лучше), географического положения (окраинное положение имеет преимущество перед центральным) и стабильности границ. Периодически происходит изменение геополитической структуры мира: вся ойкумена завоевывается одной-двумя окраинными и наиболее обеспеченными ресурсами империями, а срединные области

распадаются. Кто оказывается победителем, а кто прекращает существование, зависит от комбинации факторов: при богатых ресурсах, окраинном положении и умеренном расширении, которое не требует больших затрат, геополитическая экспансия данного государства продолжается, а при недостатке ресурсов, невыгодном центральном положении и чрезмерном расширении, поглощающем огромные средства, экспансия прекращается и наступает фрагментация. В 1980 г. Коллинз проанализировал геополитическую ситуацию в мире с помощью своей теории. Сопоставив данные о геополитическом положении двух сверхдержав - США и СССР на конец 1970-х гг., он установил, что США имеют ресурсное и окраинное преимущество и осуществляют умеренную геополитическую экспансию. СССР проигрывает США в ресурсах в населении и доходах на душу населения, вследствие чего испытывает дефицит средств для поддержания социалистической системы. Его географическое положение между странами Запада, Японией, Китаем и исламским миром вынуждает расходовать значительные ресурсы для защиты огромной протяженности границ. СССР страдает от чрезмерной геополитической экспансии, что проявляется в слабости коммуникаций и контроля за сателлитами и в наличии вокруг центра нескольких этнических слоев, готовых к сопротивлению. На базе этих расчетов Коллинз сделал прогноз о распаде Советской империи (СССР со всеми странами, где дислоцированы советские войска) в течение 30-50 лет - времени действия определенных геополитических тенденций, и сохранении США как сверх

державы. Хотя в прогнозе и не были указаны даты распада Варшавского блока и СССР, он оправдался, что повысило достоверность самой теории и престиж исторической социологии.

Немецко-американский социолог Р. Бендикс приобрел известность за три книги: (1) «Труд и власть в промышленности» (1956) - социологический и исторический очерк развития конфликтов между капиталом и рабочим классом; (2) «Построение нации и гражданство» (1964) - история конфликтов и политического взаимодействия между властью и народом в ряде стран, в ходе которого складывалась единая национальная политическая система и власть становилась легитимной; (3) «Короли и народ: власть и мандат на господство» (1978) - анализ влияния политического строя и культурных традиций различных стран на выбор методов экономической модернизации. В этих книгах Бендикс изучает историю западного буржуазного общества и ищет альтернативного капитализму пути развития. Он приходит к выводу, что модернизация ставила перед большинством стран похожие «функциональные» проблемы, но решались они по-разному. Цель индустриализации в Западной Европе состояла в решении проблемы жизнеобеспечения. За пределами Запада не только цель индустриализации была, как правило, иной – ответом на вызов, стремлением догнать развитые страны, укрепить оборону, но и средства ее достижения варьировали по странам – иностранные инвестиции, усиление налогового пресса, внешние заимствования, строительство железных дорог или первоочередное развитие легкой промышленности, привлечение рабочей силы из деревни или из-за

границы и т.д. Политические, социальные и культурные проблемы модернизации в разных странах решались различными средствами. От страны к стране изменялись политика правительства, реформы, возникали разные структурные модели и, значит, предпринимались различные социальные действия. Бендикс понимает, что хотя люди сами творят свою историю, они находятся в зависимости от определенных обстоятельств момента и от того, что завещали им предыдущие поколения. Он настаивает на необходимости делать акцент на пространстве свободных действий участников исторических событий, избегая «ретроспективного детерминизма» - тенденции смотреть на историю как на однозначно предопределенную форму развития событий, без возможных альтернатив. Анализ социальной системы в точке бифуркации особенно важен, потому что позволят глубже понять, почему победила та, а не другая альтернатива, какая случайность позволила ей реализоваться.

Подход Бендикса актуален для России. Ее история в последние триста лет изучается преимущественно под углом зрения ретроспективного детерминизма – если в 1917 г. империя развалилась и существовавший режим был свергнут, значит, все предшествующее развитие являлось несостоятельным и ущербным. Если в 1991 г. распался СССР и пал советский режим, значит все, что делалось в советский период, было несостоятельным и вело к кризису.

Американский социолог Ч. Тилли много лет, начиная с 1960-х гг., пытается ответить на социологические вопросы при помощи исторического

материала. В отличие от большинства социологов он работает с первоисточниками так же, как и историки. Тилли изучает закономерности и варианты коллективных действий в западноевропейских обществах последних 400 лет. Много усилий он затратил, чтобы разобраться, как коллективное действие развивалось в различных социальных движениях, как за тем, что поверхностному наблюдателю кажется властью толпы, скрывается достаточная мера осознания, планирования и рационального учета интересов. В книгах «Забастовки во Франции в 1830—1968 гг.» (1974), «Мятежное столетие 1830-1930» (1975) и «Шумные французы: народная борьба четырех столетий» (1986) Тилли предложил плодотворную гипотезу о наличии в любом коллективном действии «рационального расчета». Для ее верификации он проследил развитие репертуара народных действий в связи с модернизационными процессами. Этот репертуар включал (а) меры, к которым люди привыкли прибегать, (б) действия, которым они только обучаются, (в) действия, которые забываются. Например, в доиндустриальном обществе народ предпочитал насильственные движения протеста и восстания, а в индустриальном обществе - мирную забастовку, ставшую стандартом решения проблем между рабочим классом и капиталом. Репертуар коллективных действий народа сузился в связи с индустриализацией и урбанизацией; но Тилли не видит здесь признаков упадка. Серьезным препятствием для проявления народной активности, по мнению Тилли, являлись эффективные методы, предпринимаемые властью для подавления оппозиции: не только репрессии, но и запугивание

протестующих, попытки вызвать у них пассивность и абсентеизм, приводят к падению социальной активности, деградации репертуара протестных действий народа. Люди привыкают к бессилию, утрачивают в значительной мере способность к социальной инициативе.

В вышедшей в 1990 г. книге «Принуждение, капитал и европейские государства в период с 990 до 1990 г.» Тилли пытается выявить различные пути развития государственности, разъяснить парадоксы процессов государственного строительства. Государства X-XV вв. различались по политическому устройству: империи, многонациональные унитарные государства, федерации, конфедерации. В XVI в. складывается и постепенно становится идеалом модель национального государства. В XIX-XX вв. она распространяется на остальной мир. Однако страны «третьего мира» не могли следовать образцу Западной Европы. Тилли показывает, насколько специфично протекал процесс становления национальных государств в Европе, какие социальные и национальные интересы при этом обслуживались и как мало имелось необходимых предпосылок для складывания национальных государств в Африке, Азии и Латинской Америке.

Для государственного строительства в Европе огромное значение имели войны – государства развивались именно в результате войн, при этом в большей степени те, которые могли сформировать мощные армии с эффективным оружием. Те, кому это не удавалось, уходили в тень, на периферию мировой политики. Но постепенно ставка на военную силу

уменьшалась. Лидерам государств удалось создать постоянные армии и разоружить гражданское население. Однако переход к управлению посредством налогообложения, всеобщей воинской повинности, переписей населения и полиции означал приобретение государством социальных функций. Переговоры государства с капиталом и трудящимися о получении ресурсов для ведения войн вели к появлению все новых требований: пенсий, пособий для неимущих, системы народного образования, планировки городов и многого другого. Удовлетворяя эти требования, государства превращались из военных машин в социальные государства. Кроме военной, они стали выполнять ряд регулирующих, компенсаторных, распределительных и защитных функций. Именно так Англия и Франция создали сильные государства и возвысились над окружающими их странами. Из сравнительно-исторического анализа Тилли делает вывод, что в Европе постоянные армии, национальные государства и власть через государственный контроль и управление обусловили друг друга, что решающим фактором развития государственной власти стал баланс интересов капитала и государства: ни административные интересы государства, ни экономические интересы капитала не стали преобладающими. В отличие от Европы, в третьем мире имелась только военная власть, которой не противостояли капитал и народ. Формирование государственности там происходило по другому сценарию и не привело к созданию национальных государств в европейском смысле. Более того, ввиду отсутствия развитого национального капитала гипертрофированная

власть государства превратилась в труднопреодолимое препятствие для модернизации стран третьего мира.

Интерес для российских исследователей представляют работы Б. Мура, отметившего в 2003 г. свое 90-летие. Его работы имеют прямое отношение к российским проблемам, независимо от того, изучает он эскимосов, древнегреческое общество или Германию в новое и новейшее время. Книга «Социальное происхождение диктатуры и демократии: землевладелец и крестьянин в процессе создания современного мира» (1966) посвящена поиску альтернатив европоцентристской теории модернизации. С этой целью Мур сравнил процесс переход от традиционного общества к современному в ряде стран и пришел к выводу, что есть три пути к современному индустриальному обществу: (1) через буржуазную революцию снизу к капитализму и либеральной демократии (Англии, Франции и США), (2) через буржуазную революцию сверху к капитализму и фашизму (Германия и Япония), (3) через крестьянскую революцию к коммунизму (Россия и Китай). Таким образом, социальный кризис, революция и насилие - необходимые предпосылки модернизации. Но результаты социально-революционного кризиса зависели от того, как понимало крестьянство (народ) социальную справедливость и как оно вело себя в революции. В первом и втором вариантах крестьянство, как правило, приняло капитализм (США, Франция, Германия, Япония), либо исчезло как класс (Англия). В третьем варианте крестьянство не приняло капитализм, вследствие чего вместо буржуазной произошла коммунистическая революция. Крестьяне понимали и потому

приняли принцип равенства, который был для них идеалом и отчасти действительностью и соответствовал их представлениям о справедливости: именно равенство в распределении средств производства обеспечивало традиционные способы само обеспечения. Только при поверхностном взгляде такое представление о справедливости кажется консервативным; для крестьянства оно имело рациональный и реалистический смысл.

В книге «Несправедливость» (1978) Мур пытается понять: Почему в одних случаях люди предпочитают послушание, в других бунт? Когда люди со скромным экономическим, политическим и социально-культурным достатком удовлетворяются существующим положением, а когда они пытаются его изменить? При каких обстоятельствах людям удается взглянуть на свое тяжелое положение со стороны, выработать новые формы социальной активности и начать борьбу за изменение не устраивающего их социального порядка? Для ответа на эти вопросы Мур анализирует пассивность и послушание людей в экстремальных ситуациях чрезвычайной, угрожающей жизни эксплуатации и унижения: поведение неприкасаемых в Индии, узников в концентрационных лагерях, участников социально-психологических экспериментов и т. д. Он обнаружил, что люди, у которых отсутствует четкая альтернатива действий, приспособляются к тому, что они имеют, воспринимая его как должное, единственно возможное и неизменяемое. Люди часто осознают, что их эксплуатируют и подавляют, но не сопротивляются, оправдываясь тем, что у них нет для этого возможностей. Врожденного духа неповиновения не существует. Чтобы стать активным,

требуется внутреннее перерождение человека: на собственном опыте он должен убедиться, что условия существования можно изменить, что общими усилиями положение можно улучшить. Только тогда он сможет усвоить взгляд на эксплуатацию как на следствие человеческой несправедливости.

Представление о несправедливости может стимулировать у людей попытки изменить мир, заставить их участвовать в акциях социального протеста, в освободительных движениях в том случае, если власти подрывают элементарные возможности для выживания, нарушают общепринятые нормы социальной пристойности и общественного порядка, игнорируют законные требования семьи, общины, профессии и религии, проявляют откровенный произвол в управлении и вторгаются в личную жизнь. Именно тогда представления о несправедливости могут объединить людей и подвигнуть их на протестную активность. Приведет ли такая конфликтная ситуация к восстанию, зависит от силы господствующего класса и ресурсов конфликтующих сторон. Обычно трудящимся, полагает Мур, перед которыми остро стоит проблема выживания, революция в кризисное время представляется крайне нежелательным и далеким от их потребностей явлением, так как ведет к ухудшению их положения. Революции они всегда предпочитают стабильный общественный порядок. «Маленькие люди» оценивают порядок положительно, даже если он оборачивается неравенством, подавлением и эксплуатацией; они, по мнению Мура, питают отвращение к вмешательству в свою будничную жизнь, идет ли оно от религиозных или политических фанатиков или представителей

власти. Обычно люди поддерживают политического лидера, обещающего им мир и порядок, особенно если лидер делает это во имя легитимности, в которую они верят.

В книге Мура «Частная жизнь» (1984) рассматривается изменение взглядов на проблему частной жизни и анализируются возможности, существующие для частной жизни и развития независимой личности в разных культурах и цивилизациях, при различных политических режимах. Мур анализирует исторический опыт нахождения приемлемого баланса между частным и общественным у эскимосов и индейских племен, в сельской общине традиционных обществ и в Афинах IV в. до н. э., в древнем Израиле и Китае между VI в. и III в. до н. э. В сельской общине традиционных обществ автор обнаружил такой механизм выхода агрессии и разрешения конфликтов: мужчины притесняли женщин, женщины - детей, которые отыгрывались на животных. Лишь на первый взгляд отношения в общине казались идиллическими, на самом деле там существовали конфликты и противоборства. Мур находит, что в обстоятельствах, чреватых конфликтами между личным и общественным, семья служила защитой от вторжения коллектива, потенциальным ресурсом в борьбе против экспансии общественного, против требований мобилизации, когда это надо обществу, государству, нации, народному единству, пролетариату или харизматическому лидеру. Однако Мур не считает, что семья во всех обстоятельствах может функционировать бесконфликтно и плодотворно. Например, в бедных ресурсами культурах и традиционных обществах

«ловушка домашнего труда» была реальностью, серьезно мешавшей женщинам иметь частную жизнь.

В итоге исторических экскурсов Мур подчеркивает, что ни одно общество не вынесет превалирования частных интересов над общественными. Всегда требовались и потому существовали механизмы сдерживания конфликтов и отвода агрессии в приемлемую обществом колею, механизмы разрешения конфликтов между человеком и коллективом, создавалось пространство для частной жизни и индивидуализма. Подавление личности порождало агрессию. Она - не продукт современности и не пережиток ранних стадий развития. Она следствие активности, взаимодействия между людьми, между человеком и коллективом; она содержит позитивный аспект – указывает на больные точки в общественных отношениях. Всем обществам в той или иной степени удавалось направлять агрессию в безопасное русло или утилизировать в общественных интересах. Сбалансировать интересы индивида и общества трудно: всегда есть опасность, что перевесят либо одни, либо другие. Патология частной жизни и угроза частной жизни – одинаково опасны. Развитие частной жизни служит известным балансом в ситуации превалирования общественных или государственных интересов, так, в современных обществах она противостоит повсеместной бюрократизации.

В книге «Авторитет и неравенство при капитализме и социализме» (1987) Мур обращается к вопросу «смерти идеологий». Ни ортодоксальный западный либерализм, ни социализм в форме общественных систем не

справились с фундаментальными проблемами человеческого существования: произволом властей, дискриминацией и отсутствием элементарного равенства в распределении средств жизни. Ни социализм, ни либеральный капитализм не гарантируют от такого развития событий, когда какая-либо группа воспользуется властью для достижения своих политических целей, для собственной пользы, во вред всем остальным. Могут возобладать, предсказывает Мур, революционные религиозно окрашенные фундаменталистские решения. Необходимо отказаться в науке и в политике от сверхамбициозных объяснений и наивно-аполитичных целей. Нельзя устранить угнетение, эксплуатацию и нищету, но можно регулировать отношения в направлении более справедливого общества. Нельзя устранить бюрократию как институт; но можно наладить регулирование конфликтов, которое будет способствовать росту равенства и снижению административного угнетения. Это может казаться жалкой программой; но проведение ее в жизнь, по мнению Мура, гораздо больше способствовало бы устранению человеческих несчастий, чем либерализм и коммунизм XX века. Нельзя отчаиваться перед тенденциями к новой стагнации, призывает Мур, нужно предоставить простор для развития социальной фантастики и выработать новые альтернативы политических действий.

Во многих работах, в том числе публицистических, Мур видит ценность исторической социологии в том, что она очищает ум от ложных представлений, от веры в социальную предопределенность, позволяют смотреть на современность в историческом ракурсе, понять, что

непоколебимость структур, институтов и властных отношений скрывает альтернативы социального развития. Историко-социологические исследования открывают нам глаза на новые альтернативы, новые формы социальной активности и заключенные в них возможности. В этом смысле историческая социология может стать источником исторического оптимизма относительно возможностей развития "современности" по благоприятному для человечества сценарию.

В России историко-социологическое направление в общественных науках получило развитие во второй половине XIX-начале XX в. В 1850-1880-е гг., в трудах историков государственной, или юридической школы (А. Д. Градовский, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин и др.), была предложена социологическая концепция русского исторического процесса, обосновывавшая его уникальность и принципиальное отличие от такового в Западной Европе. Возникшая в конце XIX в. социологическая школа права (В. И. Сергеевич, С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов и др.) делали шаги к тому, что можно назвать исторической политической социологией. Представители данной школы опирались на социологическое осмысление истории государства и права в Европе и России. Первым русским историческим социологом в современном смысле этого термина следует считать М. М. Ковалевского. Он широко использовал сравнительно-исторический метод для изучения закономерностей в развитии общества, предварительно обосновав методологию его применения. Рассматривая русский исторический процесс со сравнительно-исторической точки зрения,

Ковалевский впервые высказал идею о принципиальной общности исторических судеб России и Европы. Н. П. Павлов-Сильванский в книге «Феодализм в России» на основе сравнительно-исторического анализа обнаружил ряд важных аналогий в истории общества и государства в России и Европе и довел идею Ковалевского о сходстве исторического развития России и Европы до тщательно разработанной концепции. Большое значение социологический подход играл в трудах историков В.О. Ключевского и П. Н. Милюкова. Философское обоснование его применения дал историк и социолог Н. И. Кареев. Из социологов дружил с историей П. А. Сорокин. В его работе «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) нарисована историческая панорама генезиса и эволюции основных форм поведения. Четырехтомный труд Сорокина «Социальная и культурная динамика» (1937-1941) обобщает такое большое количество исторических данных, что может служить образцом социологического осмысления мировой истории.

В советское время историческая социология как научное направление не существовала. Однако социологический подход в исторических исследованиях спорадически применялся, например Ю. Л. Бессмертным, М. М. Громыко, Л. М. Дробижевой, А. Я. Гуревичем, Л. П. Лашуком, Б. Н. Мироновым, Б. Ф. Поршневым, Н. Н. Фирсовым. Социологи историко-социологические работы не проводили, если за таковые не считать так называемые повторные сравнительные социологические исследования [12]. Исключение, пожалуй, И.С. Кон, который систематически использовал исторические данные для своих социологических обобщений. Его книги

«Социология личности» (1967), «Открытие “Я”» (1978), «Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива)» (1988), «Сексуальная культура в России (клубничка на березке)» (1997), выходящими огромными тиражами, до сих пор очень популярны.

В постсоветское время можно говорить о пробуждении интереса к исторической социологии. Большая заслуга в этом принадлежит А. С. Ахиезеру, А. Г. Вишневскому, И. А. Голосенко, И. С. Кону, Н. С. Розову, Н. В. Романовскому. Историки активно занимаются социальной историей, но к исторической социологии в большинстве относятся настороженно-скептически. Историографические традиции и недостаток квалификации собственно в социологии отчасти объясняют их позицию, что наблюдалось на Западе в конце 1950-1960-х гг., накануне «золотого века» исторической социологии [13].

Краткий обзор состояния историко-социологических исследований показывает, что последние 50 лет социологи и историки идут навстречу друг к другу, но не стали настоящими коллегами и друзьями; до идеала, о котором мечтал Дюркгейм еще далеко. В России, как и за границей, социальная история, не говоря об истории вообще, остается доменом историков, а историческая социология – социологов. Крайне редко встречаются ученые, которые, как Ч. Тилли или И. С. Кон, равно хорошо владеют ремеслом историка и социолога. Возможности, которые открываются перед исследователем, органически сочетающим историческую и социологическую

методологию, до сих пор даже не осознаны научным сообществом. Вероятно, до этого мы еще не доросли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ / *Время мира. Н. С. Розов* (ред.). Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 124-125.
2. *Тернквист Р.* and Method in Historical Sociology / *Th. Skocpol* (ed.). Cambridge. 1984; Историко-эмпирическая социология / Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. М., 1992. С. 260-261.
3. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. С. 126-127
4. Обзор и анализ этих работ см.: *Коллинз Р.* Золотой век макроисторической социологии / *Время мира*, С. 72-89; *Розов Н.С.* Рациональная философия истории. Новосибирск, 2000. Вып. 5; Разработка и апробация метода теоретической истории. *Н.С. Розов* (ред.). Новосибирск, 2001. С. 233-386.
5. *Черных А. И.* Историческая социология на Западе (конец XX в.) // Социол. исслед. 2002. № 2. С. 87.
6. Об институционализации социальной истории см.: *Ретина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; *она же.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории / Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 11-51; Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 7-38; *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени; проблемы методологии и источниковедения. Социальная история. Ежегодник. 1998/99. С. 39-76.
7. *Ritter H.* Dictionary of Concepts in History. NY. 1986. P. 408. Цит. по: *Ретина Л. П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории / Социальная история. Ежегодник. 1997. М. 1998. С. 11.
8. Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000. *Stearns P.N.* (ed.). 6 vols. Detroit etc. 2001.

9. *Черных А. И.* Историческая социология на Западе (конец XX в.) // Социол. исслед. 2002. № 2. С. 87-88; *Bonnell V. E.* The Uses of Theory, Concepts, and Comparison in Historical Sociology // Comparative Studies in Society and History. 1980. No. 22. P. 161; Lexikon zur Soziologie. Opladen, 1978. S. 721; *Theodorsen G.* A Modern Dictionary of Sociology, NY, 1962. P. 403.
10. См. например: *Коллинз Р.* Золотой век макроисторической социологии; *Романовский Н.В.* Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социол. исслед. 1998. № 5. С. 7-13; *Тернквист Р.* Историко-эмпирическая социология / Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. М., 1992. С. 260-306; *Черных А. И.* Историческая социология на Западе (конец XX в.); *Abrams Ph.* Historical Sociology. Shepton Mallet. 1982; *Bendix R.* Force, Fate and Freedom: On Historical Sociology. Berkley. 1984; *Tilly Ch.* Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. NY. 1984; *Kent S.A.* Historical Sociology / *E. Borgatta* (ed.). Encyclopedia of Sociology. NY. 1992. Vol. II; *Skocpol Th.* Social History and Historical Sociology: Contrasts and Complementarities // Social Science History. 1987. No. 11; *Smith D.* The Rise of Historical Sociology. Philadelphia. 1991; *Stinchcombe A.* Theoretical Methods in Social History. NY. 1978; *Tilly Ch.* As Sociology Meets History. NY. 1981; Vision etc.
11. *Коллинз Р.* Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. Вып. 1. С. 234-278.
12. Советская социология. Т. 2. Динамика социальных процессов в СССР / *Т. В. Рябушкин, Г. В. Осипов* (отв. ред.). М. 1982.
13. Подробнее о развитии отечественной исторической социологии см.: *Тощенко Ж. Т.* Историческая память и социология // Социол. исслед. 1998. № 5; С. 3-6 *Романовский Н.В.* Историческая социология: опыт ретроспективного анализа.